

Дороги и заблуждения

Окончание школы — моё заблуждение начинается

В 1957 году я закончил школу. За шесть недель до окончания все дети крестьян имели право отпроситься на сбор урожая. Я, по желанию моих родителей, мог получить «урожайный отпуск», но меня такое освобождение не радовало, потому что за этим стояла тяжёлая работа.

После Народной школы я должен был с октября до весны обучаться в так называемой Крестьянской Профессиональной школе в Рамингштайне. Народнохозяйственный консультант от Крестьянской Палаты преподавал нам передовой опыт в сельском хозяйстве: как удобрять и опрыскивать, откармливать крупнорогатый скот, вести молочное хозяйство, лесное хозяйство, рассказывал о минеральных и других удобрениях. А также был учитель от Райффайзенкассы. Бесплатно раздавалось много брошюр и глянцевых проспектов. Я очень радовался этим бумажкам, на которых показывалось, какого успеха можно добиться с применением искусственных удобрений, или как легко можно избавиться при помощи опрыскивания от сорняков. В проспектах приводились наглядные примеры, где удобренные травы были в три раза больше не удобренных, схожий эффект был у зерновых и овощей.

Одновременно с этим проводились акции продажи удобрений, где каждый крестьянин, покупая их, получал скидку от 60 до 80 процентов. Все учащиеся курсов получали бланк-заказ на финансовую помощь, который дома должен был подписать отец. Конечно, почти все работники сельского хозяйства приняли участие в этой акции. Те, кто заказывал минимум удобрений, высмеивались как самые отсталые — «деревенщина». Помню, даже вывешивали списки, где было видно, кто сколько заказал. Некоторые крестьяне заказали так много, что волы не могли утащить такую тяжесть домой. Райффайзенбанк имел в Рамингштайне склад, где можно было в любое время взять удобрения. Несмотря на то, что мы купили небольшое количество удобрений, доставка до дома и разбрасывание по всем полям и лугам оказались чрезмерно тяжёлым трудом и были для нас, парней, «свинячьей работой» — от одного удобрения жгло руки, появлялись ожоги, от другого мы выглядели, как трубочисты, болели глаза, а вечером на курсах надо было отвечать на вопрос, сколько мы уже рассыпали удобрений, и сколько ещё собираемся купить. Я стремился выглядеть позитивно, и, чтобы не врать в школе, убеждал отца в необходимости покупки удобрений.

В то время проповедовался метод разведения леса на общественных пастбищах, с осушением земель, который и до сегодняшнего дня остаётся спорным. Влажные поля вспахивались плугом и по линейке, для удобства машинной уборки высаживались ёлки 10 000 на 1 га. Эти способы, будучи передовыми, очень хорошо финансировались, до 80%. По правде сказать, такими усилиями,

после вспашки были навсегда уничтожены чудесные поля орхидей, ятрышника, пушицы и других ценнейших растений. Аргументировали просто:

— Это ненужные растения, которые даже коровы не едят, никто без них не пропадёт.

При этом два раза в год, в мае и августе, каждая ёлка должна была получить 4-6 декаграмм удобрений. А если на полях произрастали такие листовые породы деревьев, как берёза, клён, ольха, вяз, ильм, то их следовало убирать следующим образом: ободрать кору у основания, чтобы прекратилось сокодвижение; обработать эти места средством Legnориг D, а так как это средство было дорогостоящим, его разбавляли керосином.

Побеленные таким образом деревья умирали ещё быстрее, не давая новой поросли от корней. Маленькие же листовые деревья и кустарники уничтожались опрыскиванием Dikориг в вегетационный период. Становясь коричневыми, они засыхали. Одиночно стоящие ёлки на общественных полях нужно было спилить.

Против долгоносика саженцы окунались в ядовитый раствор, где все насекомые погибали. Только после всех этих мероприятий, которые контролировались чиновниками Палаты Земельного и Лесного хозяйства, можно было получить финансовую помощь.

С позиции сегодняшнего дня, на этих решающих примерах видно, что все знания, полученные на курсах повышения квалификации, были совершенно ненужными.

Моя специальность — фруктовые деревья

После окончания сельскохозяйственных курсов в Зальцбурге, в Сельскохозяйственной школе Винкльхоф я выучился на садовода. Теперь я знал все плодовые сорта деревьев и кустарников. Как прививать, удобрять, опрыскивать, производить обрезку, а также — травить ядами и газами полевых мышей и других нежелательных зверей. Получив удостоверение по окончании этой школы, благодаря которому я мог теперь покупать самые сильные яды, мне хотелось применить свои знания у себя на участке.

После обучения я начал «приводить в порядок» свои растения. Во-первых, я поставил опоры для деревьев, потом внёс необходимое количество удобрений, произвёл опрыскивание, потравил мышей газами и химикатами. Теперь в моём саду и в лесу царил такой же порядок, какому меня обучили в школе. Прошёл только один год, и я увидел большие потери и убытки, причины которых первое время я не мог ни понять, ни объяснить. Разговоры с экспертами и чтение специальной литературы указывали на высоту расположения моего участка.

Для меня этот ответ был недостаточным. Все, у кого я работал и с кем контактировал, имели тот же результат — погибшие деревья, с трещинами на стволах, пораженные морозом. Ситуация ухудшалась, я был не уверен в себе.

Фруктовые деревья...

...общепринятая
методика

Обрезка деревьев – это ненужный стресс для дерева и энергозатраты для человека. Повышается опасность облома веток от снега или от тяжести плодов. При этом дерево должно иметь опору в виде рядом стоящего столба. Чрезмерное высвобождение энергии приводит к появлению большого количества волчков — пустых веток.

...признание природных
взаимосвязей

Если оставить природную ветвистость, дерево укрепляется даже на склоне. Ветви под тяжестью плодов могут опереться на склон, а мыши, зайцы, козули, олени имеют возможность поедать крайние ветви с зеленью, не повреждая ствол. Не тратится время на обрезку, а ветки, склоняющиеся под тяжестью плодов, позволяют солнечным лучам проникнуть вглубь кроны. Прекращается образование волчков — пустых веток, потому что ведущие фруктовые ветви забирают основную энергию на себя и на развитие плодов. Благодаря растительному симбиозу осуществляется оптимальное обеспечение влагой и питательными веществами.

Традиционный
метод

Большие работы возникают из-за защитной сетки-решётки, защищающей ствол и корень. А корень, помещённый в тюк, остаётся в земле очень подвигным, поэтому дерево должно иметь опору (ветер, снег, плоды).

Метод
Хольцера

Тюк разрезается с трёх сторон и сажается на нужную глубину. Корни укрепляются рядом растущими растениями. Благодаря тарелкообразной форме корня дерево стабилизируется. Отпадают ненужные работы по уходу за деревом — сетка-решётка, защищающая дерево, и столб для опоры.

— Что же мне теперь делать? Из-за убытков перестать заниматься обработкой земли? — думал я, ломая голову и ища ответа лучшего, чем мне дали эксперты. В детстве же у меня всё очень хорошо получалось, я имел большой успех.

Но благодаря скрупулёзным наблюдениям в каждую свободную минуту я заметил, что некоторые растения, не подвергшиеся обработке, у меня на участке и у тех, у кого я не успел ещё «навести порядок», как меня научили в школе, были в настоящем порядке и хорошо развивались. Меня это озадачило. Я стал интенсивно думать об этом, связывая воедино всё произошедшее, и вот во мне пришли следующие мысли.

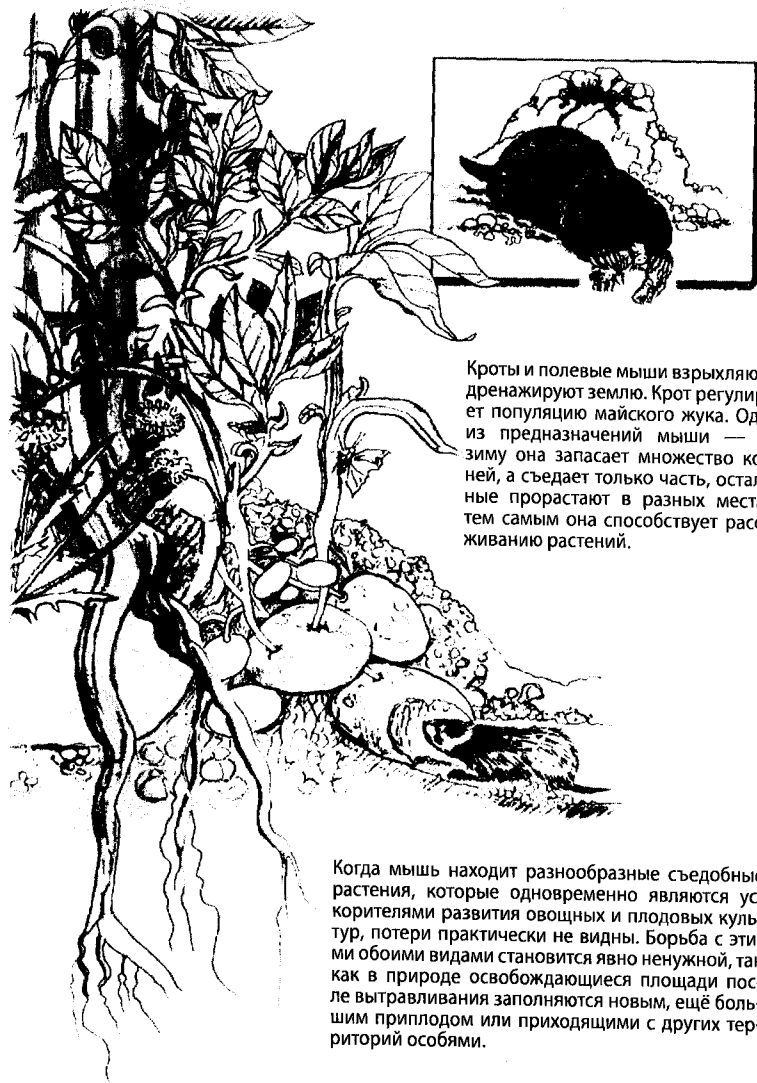
В ситуациях, когда мне необходим совет или помощь, мне помогает умение перемещаться в позицию того, кто меня интересует, например: я вижу цветущее растение, которое цветёт обычно тёмно-красным цветом, а теперь стало матовым, и выглядит больным. Чуть дальше я вижу снова такое же растение, но — сочное и пышно цветущее, с глубоко-красным цветом. Я беру оба места под наблюдение и рассматриваю каждую деталь: в каком сообществе растений живут больное и здоровое растение, тогда не нужно долго искать причину, всё становится ясным, при этом я должен только знать растения. Больному растению не хватает азота — он отвечает за рост, потом не хватает калия и фосфора — они отвечают за образование цвета.

Больное растение окружено небольшим количеством трав с поверхностными корнями, вокруг здорового растения с сочными цветами, я уверен, растут бобовые — излюбленное лакомство бабочек, окопник, овёс или крапива, это только некоторые позитивные сопровождающие растения, они обеспечивают цветущие растения достаточным количеством азота, калия и фосфора. Бобовые перерабатывают атмосферный азот, находящийся в воздухе, выделяют его в почву через бактерии, живущие на корнях. Окопник, козелец и крапива выделяют через листья, а также и корни питательные вещества, которые с дождём и снеготаянием проникают к корням цветка.

Далее, важную роль в здоровом симбиозе растений играют живые организмы, живущие в почве. Вокруг больного цветка их не видно, тогда как у здорового, напротив, заметно всё многообразие живых организмов.

В конечном итоге всё зависит от правильной точки зрения и от умения читать книгу Природы. В этой книге нет ошибок в отличие от тех знаний, которые я приобрёл при обучении садоводству и в Крестьянской Профессиональной школе и которые мне впоследствии негодились. Ещё мне стало ясно: через применение искусственных удобрений у деревьев стал появляться сильный рост, после обрезки дерево образует много волчков, которые тоже должны быть обрезаны. Камбий — слой роста под корой, из-за удобрений чрезмерно растёт, поэтому растения не успевают подготовиться к климатическим изменениям в природе и вымерзают зимой частично или полностью. Мой собственный опыт подвёл меня к тому, чтобы уйти от полученных в школе знаний и вернуться к оправдавшему себя методу.

Важные работники

Кроты и полевые мыши взрыхляют и дренируют землю. Крот регулирует популяцию майского жука. Одно из предназначений мыши — на зиму она запасает множество корней, а съедает только часть, остальные прорастают в разных местах, тем самым она способствует расселению растений.

Когда мышь находит разнообразные съедобные растения, которые одновременно являются кормителями развития овощных и плодовых культур, потери практически не видны. Борьба с этими обоими видами становится явно ненужной, так как в природе освобождающиеся площади после вытравливания заполняются новым, ещё большим приплодом или приходящими с других территорий особями.

На следующем примере я хочу объяснить, как разнится мой собственный опыт с полученным при обучении. В школе мы учились бороться с полевыми мышами и кротами газом и ядами. Я же пробую использовать этих животных во благо. Оба этих вида взрывают и дренажируют землю и, кроме того, защищают от вредителей, а также размножают некоторые виды растений.

Регуляция сортов в сельском хозяйстве и непосредственно в садоводстве наносит ущерб. Современные высокопроизводительные сорта для нашей высоты не подходят, а старые, культурные и дикие, менее требовательны, крепче и по содержанию полезных веществ намного ценнее. Старые сорта зарекомендовали себя и у нас, в горном, влажном климате. Встречающиеся в природе саженцы, прежде всего, сильны в росте, и имеют обильное образование веток у основания, благодаря этому они становятся более защищёнными от зверья. Если я не буду делать обрезку у моих деревьев и оставляю все ветки в естественном виде, то дерево способно удержаться даже на крутом склоне, опираясь ветвями с большим количеством плодов или при большом слое снега зимой на верхнюю или на нижнюю часть склона. Мыши, зайцы, косули, олени объедают нижние ветки и не повреждают при этом ствол. Обрезка деревьев, таким образом, вообще отпадает по следующим причинам: ветки под тяжестью плодов опускаются и позволяют солнечным лучам проникнуть вглубь кроны; дерево становится стабильным благодаря опустившимся нижним ветвям, которые опираются о землю; образование волчков прекращается, так как вся энергия уходит на плодоношение и рост основных веток. Благодаря симбиозу растений деревья обеспечиваются оптимальным количеством полезных веществ и влагой.

В Сельскохозяйственной школе Тамсвега я посещал курс взрывников. И впервые я применил эти знания у себя в хозяйстве. Получив удостоверение взрывника, я мог купить любые взрывчатые вещества и мог помочь другим крестьянам в Лунгау — взорвать камни на дороге или на полях, мешавшие применению машин. На эти сельхозработы даже выдавалась финансовая помощь.

В скором времени мы заметили, что из-за постоянной смены погодных условий часто требовалась множественная коррекция участков. Камни и скалы просто снова вылезали из под-земли. Позже мы поняли — эта работа экономически невыгодна. Нередко из-за спрятанных острые скалы рвались покрывки, ломались ножи стрегущих траву машин и плуги. Только позднее мне стало ясно, что взрывы камней и скал вызывают негативные последствия.

Обучение ведению рыбного хозяйства на Мондзее

В то время я очень много выписывал различной спецлитературы: «Передовой сельскохозяйственный работник», «Врач растений», «Австрийское рыболовство». Однажды я увидел в газете объявление о наборе на курсы в Федеральный Научно-исследовательский институт водных ресурсов и рыбного

хозяйства в Шарффлинге на Мондзее. Я записался на этот курс из большого интереса к этой теме.

На старом Фольксвагене «Жучок», которым очень гордился, я поехал на Мондзее. Наклеек о техосмотре машин тогда ещё не было — Слава Богу! В противном случае меня бы на дорогу вообще не выпустили с моим автомобилем.

Как только я заехал на парковку перед институтом, то увидел одни шикарные БМВ, Мерседес и т. д. с немецкими, швейцарскими и венскими номерами, я сразу понял, с кем мне придётся учиться. Я немного застенчив, моего старого автомобиля, а когда при регистрации заметил, что участниками в большинстве являются академиками, то подумал, что не подхожу к этому обществу, и даже хотел уехать тут же домой.

Доктор Брушек, руководитель курсов, предложил нам по программе после обеда поехать на государственную рыбоферму, которую я непременно хотел увидеть перед отъездом.

Руководитель рыбного хозяйства Пахингер показывал на практике и рассказывал всё очень простым и доступным языком. Это так впечатлило и вдохновило меня, что я решил: я это выдержу! Записался на курсы и поселился в интернате при Школе. Мы изучали такие предметы, как гидрология, болезни рыб, практическое разведение рыбы. Пахингер также показал воздействие химии на воду, продемонстрировав на смотровом стекле, как опрыскивание и удобрение растений влияет на живые организмы в воде. Планктон — это мельчайшие животные, идущие на корм малькам щуки, судака и сома. Эти сорта рыб не могут быть выращены на сухих кормах, они нуждаются в живой пище. Форель, напротив, может быть выращена на сухих кормах из мяса, крови и рыбной муки.

Невооружённым взглядом было видно на стекле разнообразие живых организмов в воде. В других пробирках были подготовлены дождевые черви и крупные живые организмы, живущие в воде — жуки и насекомые.

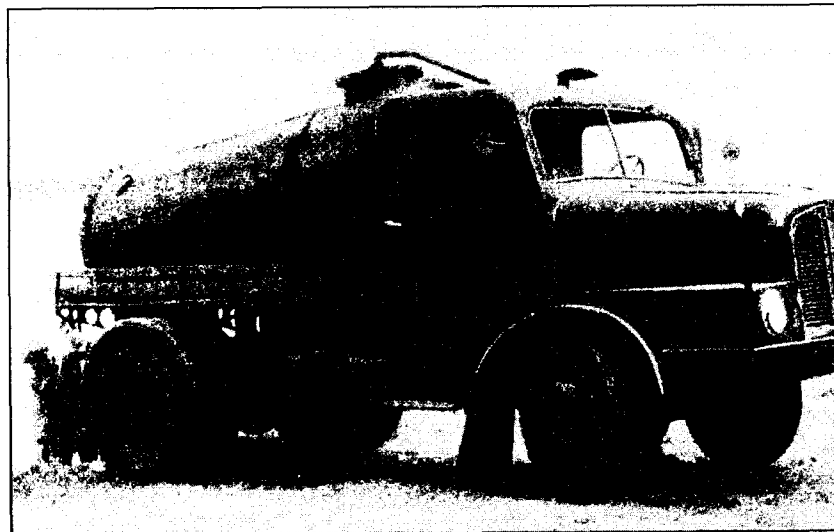
После внесения небольшого количества удобрений, таких, как нитрамональций, калий и т. д., можно было видеть, как всё живое, умирая, опускается на дно, особенно шокировала меня длительная борьба за жизнь дождевых червей и жуков. После этой демонстрации много чего произошло в моей голове и в первую очередь — осознание того, что я натворил у себя дома, опрыскивая деревья и разбрасывая удобрения почти до пруда. Моё волнение было настолько сильным, что в эту ночь я не смог уснуть. Постепенно мне становилось ясно, какую большую ошибку я совершил. Возможно, и замёрзли-то у меня плодовые деревья оттого, что удобрения уничтожили живые организмы и в почве?

— Что я ещё делаю неправильно? — спрашивал я себя.

Теперь я знал, что жизнь в воде умирала, и это противоречило мнению в спецлитературе, что вода в рыбных прудах могла быть удобрена азотом, суперфосфатом или кальцием для увеличения прибыли. Приводились примеры опытов на севере Германии, где в очистительных прудах (отстойниках) с большим успехом разводили карпов.

Мой способ ведения прудового хозяйства прямо противоположен профессиональному мнению — вносить фосфат (фото сверху), а также жидкий навоз (фото внизу).

Этот курс очень многому научил меня теоретически и практически. С этого момента я перестал верить всему подряд и научился критическому, всестороннему взгляду, научился, сравнивая преимущества и недостатки, видеть, чего больше. Один учитель говорит так, другой по-другому. Я понял, что многие люди неосознанно делают ошибки, потому что они верят всему на слово, не проверяя и не задавая вопросов.

Я начал размышлять о том, чему научился в Крестьянской Профессиональной школе, и увидел несоответствие во взглядах практиков и теоретиков. Пахингер показал негативные последствия на практике, другие учителя, напротив, преподавали применение удобрений в трудах теоретически, посредством учебных пособий.

Будучи молодым человеком, я должен был понять, кто прав, это я должен был решить сам. Что было правильным? Я чувствовал себя брошенным.

После курсов я купил себе микроскоп, чтобы самому проводить исследования, к примеру, рыбных болезней. Как только отец узнал, он начал ругаться и выказал непонимание в покупке такого дорогого прибора:

— Если так пойдёт и дальше, ты долго не протянешь.

А микроскоп оказался таким хорошим, что много лет спустя им пользовалась моя дочь, учась в университете. Когда я, много позже, встретился с консультантом из Крестьянской Палаты Тамсвега и высказал ему свою точку зрения о применении удобрений, Петер Ротшопф высмеял меня, и по-прежнему защищал научную точку зрения. Но мой опыт всё больше убеждал меня идти своей собственной дорогой.

Письменные работы для всей округи

Из-за моего сада в то время я со многими общался и многое заказывал для своего садового участка, и хотел, конечно, уметь хорошо печатать. Поэтому купил себе старую печатную машинку и печатал вначале по методу двух пальцев. Как только я узнал о курсах машинной печати в Тамсвеге, сразу записался и освоил умение печатать десятью пальцами вслепую. Конечно же, теперь нужно было купить новую машинку. Позже я печатал для всей округи письма, заявления и т. д., часто мне и за бумагу, и за конверты приходилось платить самому. Были те, кто этим пользовался, но были и благодарные, которые за мою услугу помогали полдня на моём поле.

Досрочное окончание воинской службы из-за вступления в права собственности на землю

Служил я в войсках противовоздушной обороны. Несмотря на всю строгость у меня остались хорошие воспоминания о службе в армии. В отличие от других, которые всё время жаловались, я чувствовал справедливое отношение,

где существовали одинаковые права для всех. Результаты поощрялись, так что я получил три дня отпуска за то, что в свободное время тренировался на «полосе препятствий». Кормили нас хорошо. После учебки меня перевели в хозяйственную канцелярию.

В скором времени отец написал письмо, через Сельсовет Рамингштайна, в воинскую часть о наследстве и досрочном окончании службы, основанием была болезнь отца и намерение передать хозяйство.

Письмо было для меня неожиданностью, так как о болезни отца я ничего не знал, а в историю о передаче хозяйства не мог поверить.

— Неужели это возможно? — спрашивал я себя.

Конечно, мысль о получении хозяйства меня завораживала. Мне дали два дня отпуска, чтобы я мог съездить домой.

В разговоре с отцом выяснилась серьёзность его намерений. Мой брат Мартин не высказал интереса к хозяйству, а мой интерес был, напротив, большим. Я ещё не мог до конца поверить, как отец сказал:

— Если и ты не хочешь, то я всё продам!

Этим было всё сказано. О продаже и речи быть не могло, я хотел быть крестьянином. Вернувшись в казарму, я написал заявление. Это было 2 мая 1962 года. После долгих разговоров дома то туда, то сюда в июле я, девятнадцатилетний, перенял хозяйство. Была лишь одна проблема — признают ли нотариус и судья меня совершеннолетним для заключения договора о передаче хозяйства. Нотариус составил договор, а судья, взглянув на него поверхностно, обратился к отцу:

— Да, Крамертер, вы должны сами знать, годится парень стать крестьянином или нет, если он готов, то подпишись здесь, а парень, став совершеннолетним, может делать с хозяйством всё, что он захочет, и тогда ты не сможешь сказать ему ни слова. Мой отец подписался, и я тоже, в суде было всё закончено.

После мы завернули в ресторанчик, как тогда было принято, заказали пиво и лучший, ливерный, паштет. Потом поехали домой на мотоцикле, где нас ждала уборка сена.

Заявление судьи, что я как хозяин могу делать всё, что хочу, придавало мне ощущение глубокого удовлетворения. Многое мелькнуло у меня в голове, наконец-то я мог заложить намеренные террасы, пруды и сады.

Однако передача хозяйства на практике оказалась не так проста, как казалось; по договору я не имел права выставлять каких-либо условий до совершеннолетия, на всё должен был соглашаться и при этом говорить — Аминь! Я не мог даже представить себе всю широту ответственности, которая легла на мои плечи; я не имел права на получение инвестиций без согласия на то отца (только этот пункт договора готовил мне в будущем большие проблемы). От того, в каком настроении находился мой отец, зависело, скажет он «да» или «нет», всё это сдерживало развитие нашего хозяйства. Отец тогда ещё частично был под негативным влиянием так называемых друзей и картёжных товарищей.

Уже в скором времени я также смог прочувствовать пункт договора о правах, обязательствах, долгах и активах, к которым относились все записанные и не записанные обязательства. Сразу же объявились «друзья» папы, среди них были и соседи, и объявили об открытых карточных долгах. Я должен был противостоять этим взрослым мужикам, объясняя свою неготовность погасить задолженность, что подтвердил и нотариус. По природе вещей, появились разногласия между товарищами отца и мной. Они подначивали отца, иногда с успехом, настраивая его против меня.

Позже отец образумился, неделями помогая в различных работах. Помогал соседу на строительстве водопровода, отработывая свои долги. Другие долги я должен был погасить сам — в Рамингштайне был открытый кредит; для лесопильни я должен был предоставить лес в счёт погашения долгов, всю осень и зиму валить лес и лошадьми вывозить в долину.

Первое время молодого крестьянина

Мой брат Мартин сразу после передачи хозяйства поехал в Германию на валку леса, и зарабатывал хорошие деньги. Тогда многие молодые люди ехали в соседнюю страну на заработки, деньги там можно было легко заработать. Зимой 1964–1965 года я тоже зарабатывал деньги для своего хозяйства на валке леса, кочуя по Германии. К сожалению, наша фирма, где работало много парней из нашего региона, разорилась, и получилось, что мы работали впустую. А так как мы работали и по воскресениям, то, попав однажды под полицейский контроль, должны были выплатить штраф «за нарушение воскресного спокойствия» из своего кошелька. Деньги были не у всех, я заплатил за некоторых, и эти деньги ко мне тоже не вернулись.

В апреле, на Пасху, я вернулся домой с 26,40 шиллингами (1,92 евро) в кармане. Тогда между мной и отцом были большие разногласия, в Тамсвеге я купил половину гектара земли и начал строить дом на случай, когда женюсь, а дома возникнут проблемы, чтобы мне было куда уйти. Постоянные вмешательства моего отца в мои дела были уже невыносимы.

Новая дорога – большие затраты

В 1964 году началось строительство грузовой дороги «Койшинг VI». Это открывало передо мной много новых возможностей, я мог ускорить строительство террас, прудов и садов. Строительство дороги несло не только много работы, но и много расходов, поэтому я принял решение продать 5,4 га полей и молодых лесопосадок государству. Главный лесничий Тамсвега Альтрихтер предложил мне вначале 8 шиллингов (58 центов) за квадратный метр, однако три года спустя я получил чуть больше 3 шиллингов (22 цента).

— Господин Хольцер, это зависит от вас, если вы нуждаетесь в деньгах, то подписывайтесь! Генеральная дирекция больше вам не заплатит.

К этому времени банк профинансировал строительство дороги, так что я вынужден был подписать договор и продать землю по бросовой цене. С нестерпимой болью в душе я пошёл на эту сделку. Была только одна загвоздка — вся земля была заложена под кредит, который брал раньше мой отец, невыплаченный остаток составлял 12 400 шиллингов (901 евро). В Райффайзенбанке мне отказали в продаже 5,4 га земель, несмотря на то, что ещё 20 га и всё хозяйство оставались при этом в залоге. Тогда я был вынужден перейти в другой банк — Шпаркассе, где директор, выслушав мой рассказ, сначала не мог поверить в такое, а потом спросил, сколько мне нужно?

— 12 400. Потому что я получу эти деньги от лесничества, — сказал я.

А он сразу же предложил мне 20 000 шиллингов. Теперь я мог полностью рассчитаться с Райффайзенбанком, освободить землю от залога, осуществить продажу 5,4 га, оставляя в хозяйстве ещё 20 га, и вздохнуть с облегчением. Многие годы спустя я вернулся в Райффайзенбанк Тамсвега, потому что все государственные кредиты для крестьянских хозяйств выдавались именно в этом банке.

Выкуп государственного участка

Несколько лет спустя проданный мною участок был выставлен на продажу, и главный лесничий Бок пригласил меня на замер. Я пришёл не сразу, растягивая время — всё ещё обижался на них за то, как они обошлись со мной. При обходе я указал главному лесничему только примерные границы участка и тут же вернулся назад.

Позже я определил по приграничным камням, что этот участок не соответствовал реальным границам. Мне это не мешало, потому что было не в ущерб. На этой, оставшейся в мою пользу, части участка я построил дорогу, посадил деревья, подвёл воду, и собирался разводить горных альпийских козлов. Я подал заявление на выкуп моего участка и ещё одного у лесничества общей площадью 10,7 га. К сожалению, мою просьбу не поддержали. И, как следствие, я перекрыл возможность передвижения через мой участок для работников лесничества, потребовал исправить границы, другими словами, они остались владельцами, а я пользователем.

Я хотел выкупить свой участок (с исправлениями) назад также за 3 шиллинга. А по поводу используемой мною части участка размером примерно в 1 га я отметил, что речь может идти только о заблуждении лесничества, и что я никогда не продавал её и не собирался.

Оставаясь постоянным в своём намерении, я в 1988 году, как только появилась возможность, выкупил этот участок. Наконец-то моя земля вернулась обратно в хозяйство.

Целители и медики

Однажды работник Альфонс и я ехали на мотоцикле из Тамсвега домой и на одном из поворотов столкнулись с перебежавшим насыпную дорогу оленем. Аль-

фонс получил лёгкие ушибы, а я — тяжёлые увечья ноги и локтя правой руки. По животному было видно, насколько тяжёлой была авария.

Чтобы вызвать «скорую», нам пришлось идти пешком 3 км до ближайшего телефона в Мадлинг. Следующие шесть недель я провёл в больнице. С рукой возникли настоящие проблемы, многократная пересадка кожи с бедра на локоть не давала желаемых результатов, врачи не могли остановить заражение. Мне пришлось оставить больницу, так и не выздоровев. Безуспешно я перепробовал различные средства самолечения. Потом я ещё трижды лежал в больницах Тамсвега и Зальцбурга общей продолжительностью 10 недель. Состояние руки не улучшалось, и врачи предложили ампутацию её нижней части, чего я никак не мог допустить. Я уже подал на пенсию по инвалидности в пенсионную страховку, как однажды встретил в Тамсвеге знакомого, который рассказал мне о случае с бензопилой и о своём сильном повреждении голени. Его проблема благополучно разрешилась благодаря быстрому излечению у одного травника, который помог так же мяснику, попавшему топором себе в колено. В обоих случаях травник помог излечиться от гноящихся ран. Это Питер Бауэрн из Санкт-Петербурга. Я наполнился надеждой.

В тот же день я поехал к нему и попросил о помощи. Мужчина примерно 75 лет бросил короткий взгляд на мою руку и сказал:

— Всё будет в порядке.

Он при мне приготовил мазь и влил маслянистую жидкость в бутылочку, и это было всё. Вместе с советами это обошлось мне в 20 шиллингов (1,45 евро), и дал ему ещё на чай и поехал, очарованный, домой.

Уже через 14 дней лечение показало невероятный результат — загноение исчезло, и рана зажила. Благодаря рекомендованному массажу со специальным маслом рука начала понемногу двигаться, через два месяца я мог пользоваться своей рукой так хорошо, что отказался от инвалидности. Для меня это был новый и невероятный опыт, теперь трудно даже представить, какие последствия могли быть после ампутации предплечья. Знания природы, их практическое применение этим старым человеком были для меня на вес золота. С тех пор я всегда считаю необходимым хранить и документировать такие знания природы.

Создание семьи

С моей супругой я познакомился в 1967 году в Тамсвеге, она работала там сезонной рабочей в одном из хозяйств. Вероника была, и есть, для меня счастливой находкой. Мы поженились 20 апреля 1968 года, венчал нас священник Валентин Файфенбергер в церкви Св. Леонарда в Тамсвеге, он был знаменитым на всю округу «Епископом Лунгау».

По желанию её родителей родом из Штайермаркта, мы поженились по их обычаю, особенность которого была в том, что музыканты играли весь день непрерывно до 4.30 утра. Обычно невеста переезжала в дом жениха в день свадьбы.

20 апреля 1968 года я женился на Врони, дочке горных крестьян из Обдаха в Штайермарке. Это было стартом для нашего общего семейного счастья.

Врони всегда была для меня тем, на кого можно положиться, без неё я бы не имел такого успеха.

бы, а на следующее утро нужно было всю работу. Я тогда занимался строительством прудов, садов и водопровода. Это было время посадок. К тому же, утром и вечером нас ждала работа по дому и по хозяйству. Через несколько недель мама сказала мне:

— Ты, парень, попал в яблочко, тебе досталась хорошая девчонка!

Первоначальный скепсис моего отца в отношении Вероники постепенно тоже прошёл. В деревенском трактире отцу сказали:

— Она ничего не умеет, внебрачный ребёнок, без приданого.

Из-за этого перед женитьбой у меня с отцом были ссоры. Он хотел, чтобы я изменил своё решение, доверяя разговорам подстрекателей больше, чем мне. Проблема усугублялась ещё и тем, что моя жена была не из нашей деревни.

Большие требования моего отца к моему поведению и к моей супруге со временем исчезли, он понял, что был несправедлив, когда увидел, как посетители моих прудов, садов и террас стали восхищаться моей работой. Ему понравилось и то, что я стал хорошо зарабатывать.

Эта тенденция привела к тому, что построенный мной в Тамсвеге дом оказался в скором времени не нужным. Мы чувствовали себя все вместе в Краметерхофе счастливой семьёй. Дорога была построена, и всё стало изменяться семейными шагами.

Дом в Тамсвеге я продал, а деньги вложил в развитие нашего хозяйства. Сомнения, сможем ли мы ужиться с родителями, улетучились.

В октябре 1968-го на свет появилась наша первая дочь, Мариэтта. Её рождение принесло в наш дом дополнительную радостную атмосферу, родители окружили маленькую таким теплом и заботой, что я стал беспокоиться, как бы они не перестарались.

Первый телефон в Краметере

Так как я занимался прудами, размножением рыбы и разведением грибов, эта активная работа становилась всё тяжелее без телефона. Я обратился к почте с просьбой установить общественный телефон. Потребовалось найти ещё четырёх заинтересованных, к тому же, в будущем я должен был передавать всем соседям телефонные звонки в их адрес.

Как заявителю мне было необходимо собрать письменное согласие всех, по чьим землям пройдёт телефонная линия. Все согласились, кроме ранее упомянутого председателя Райффазенкасы.

— Что, ты хочешь иметь телефон?! — и он не согласился, хотя столбы должны были пройти у него по крутому склону, заросшему кустарником. Сосед Йохан Кендлбахер, напротив, дал согласие, хотя столбы на его поле стали препятствием, так как там можно было работать бензокосилкой. Когда всё было готово, выяснилось, что одна соседка собрала подписи против телефона. Тогда мне самому пришлось оплатить подключение, и только много лет спустя, когда

объём «приветов» соседям превысил все мыслимые границы, почта стала проводить домашние телефоны.

Дополнительный доход — сезонные работы

Из-за большой активности и множества работ (пруды, террасы, дороги и т. д.) тех денег, что я зарабатывал, не хватало на инвестирование моих проектов, так что нам с женой приходилось на зиму подражаться на работу. Одну из таких зим мы работали в Обертауне — жена на гостиничной кухне, а я дворником. В последующие годы в дополнение к домашним работам я нанимался валить лес.

Разведение грибов — успешная ниша до катастрофы в Чернобыле

Ещё со школы я занялся разведением шампиньонов и лесных грибов, к тому же, вначале я много пробовал разводить и ядовитые грибы. Успехи то были видны, то нет, что было вначале экспериментом и игрой, стало для меня впоследствии ощутимым доходом.

Я понял, что основным условием разведения лесных грибов является симбиоз растений.

Огромное значение имеет распознавание растений — выющиеся, папоротники, грибы, от маленького до большого. При закладке новых площадей решающим будет дополнение к уже имеющемуся растительному покрову недостающих растений и, как следствие, дальнейшее обеспечение их правильного питания.

Намного проще разведение древесных грибов, таких, как вёшенка обыкновенная, зимний опёнок, опёнок вздутый и шиитаке. Также спаржевые, белые грибы и шампиньоны очень легко разводить, так как необходимый питательный субстрат относительно легко приготовить.

В 70-х годах разведение грибов приносило большие доходы, все наши хозпостройки, бывшие коровники были к этому адаптированы. Я построил туда центральное отопление и полив.

Дело дошло до того, что я организовал свою собственную службу доставки, которая в любое время доставляла грибы клиентам — в гостиницы, а также в армию. Мы даже производили сушёные грибы и консервы.

Из-за успешной продажи я полностью сконцентрировался на грибах, что позже оказалось большой ошибкой. В 1986 году, после катастрофы в Чернобыле, рынок пищевых грибов был враз разрушен. Не потому, что мои грибы были заражены, а потому, что спрос на них сразу же пропал. Все мои сооружения стали ненужными. Эта катастрофа нанесла мне ущерб в 1,5 млн. шиллингов (109 тыс. евро). Это был горький опыт, который я осознал — больше никакой специализации!

Вместе с грибами на 2/3 упали цены на мясо: с 60 до 15-20 шиллингов (1,09-1,45 евро) за кг — к тому времени у меня было под загонами 30 га земли

для крупнорогатого дикого и домашнего скота. А в заключение обрушились и цены на рыбу.

Сколько забот и хлопот и головных болей принесла мне и моей семье Чернобыльская катастрофа, нельзя выразить никакими словами. Мы оказались на волоске от банкротства, и всё — из-за атомной политики далеко находящейся от нас России, и то, что человечество до сих пор занимается атомной энергией, на мой взгляд, является слишком безответственным. Ведь не только жизнь человека подвергается риску, но также невозможно представить и просчитать последствия для сельского хозяйства и побочные эффекты.

1969 – 1975 гг.: заказник, закусочная, гостиница

Мои первые рыбные пруды на горе, о которых я ещё буду рассказывать, были высеяны.

— Как вообще на горе можно построить рыбные пруды?

— Где он будет рыбу продавать? — было заботой людей.

Когда возникли мои вольеры с дикими животными и закусочная, соседи вновь начали покачивать головами, люди в деревне спрашивали:

— Кто полезет на эту гору?

Для других пересудов послужила следующая причина — я распродал весь крупнорогатый скот, чтобы высвободить время для спекулятур.

У нас шли большие строительные работы, дом наш на то время был без всяких удобств. Строители советовали мне не заниматься усовершенствованием дома, потому что фундамент был старым, а местами его вообще не было. Каменные стены метровой толщины имели трещины, но мне нравился этот дом, а не новые дома, что строились теперь по соседству, которые ни о чём не напоминали.

Под все стены был подведён фундамент и высушен по моей технологии. Так как в магазине не было подходящих вентиляционных труб для особенно массивных каменных стен, а прямые просверливания стен лишь частично выполняли функцию вентиляции, я решил на альтернативный метод: построил в стены обожжённые глиняные трубы. Внешние стены были обиты сеткой и оштукатурены. Этот метод прекрасно оправдал себя, с тех пор дом стал сухим. Насколько утомительным стал этот ремонт, я заметил намного позже, в ходе строительства водопровода и центрального отопления. Когда слесарь отметил места для отверстий, всё выглядело безобидным, и только когда мы взялись за работу и разворотили стены, стало понятно, сколько ещё труда впереди.

В стенах были метровые камни, одни твёрдые, другие помягче, они с трудом вытаскивались или пробивались. Часто это приводило к опасности, что стена обрушится, поэтому её приходилось подпирать.

Недостатки старого дома дали о себе знать при ремонте пола, стен и потолков. Всё было косо, не в уровень, не имело прямых углов и было непосиль-

Das Lungauer „Paradies“ liegt bei Ramingstein

Sepp Holzer und sein Tierpark sind eine Reise wert

RAMINGSTEIN. Einer breiten Öffentlichkeit fast unbekannt ist einer der schönsten privaten Wildparks — wenn nicht überhaupt der schönste — in Österreich, und zwar im Salzburger Lungau, oder noch genauer in Ramingstein-Keusching 13. Es lohnt sich, diese Adresse ins Vormerkbuch für den nächsten Wochenendausflug zu schreiben, denn was in diesem „Paradies der Tiere“ dem Menschen, und da wieder vor allem dem Städter, geboten wird, verdient ausführlicher geschildert zu werden.

An den Anfang dieser Reportage wollen wir einen Namen stellen: Sepp Holzer, 35 Jahre alt, verheiratet, Vater dreier Kinder. Er ist der Gründer und alleinige Erhalter dieses Wildparks, und das darf, wann immer von diesem Stück Erde gesprochen wird, nicht vergessen werden.

Der Mann, der an sich hätte Landwirt werden sollen, wie sein Vater und Großvater, hatte 1962 den Hof übernommen. 1963 ging er daran, Fischteiche anzulegen, und heute sind es dreihundertzwanzig, die eine Fläche von 3 Hektar bedecken. Bis zu fünf Meter tief, sind in ihnen 24 Fischarten vertreten — die Gibrigs, die Bach-, die Regenbogenforelle, um nur einige Spezies zu nennen.

350.000 QUADRATMETER
Die große Leidenschaft des jungen Holzer war und ist die Natur, die Tierwelt, die Hege und die Jägerei. Und der Ge-

danke, die engere Heimat, seinen Grund und Boden und noch einiges Land dazu in ein Alpen-Reservat zu verwandeln, war für den Mann gar nicht so abwegig, wie mancher wohl gedacht haben möchte, als er davon erfuhr. Aber der Holzer schaffte es — selbst gegen mitunter starke Widerstände — und heute ist sein privater Wildpark im Flächenausmaß 35 Hektar oder 350.000 Quadratmeter groß. Das Gebiet wurde in seiner ganzen Länge umzäunt, tiefe Betonsockel in die Erde gesetzt, denn so verlangte es die Höhe und genau so wollte es auch Sepp Holzer selbst: niemand sollte ihm nachsagen können, er vernachlässige die Pflicht den Menschen gegenüber. Ingeheim hat er wahrscheinlich an den Schutz der Tiere vor den Menschen gedacht...

BIS NACH BRIONI...
Das Zusammenholen — die

Schaffung der privaten „Arche Noah“ in Wald- und Wiesengrund in 1300 bis 1500 Meter Seeshöhe — war keine einfache Sache. Der junge Mann scheute jedoch kein Opfer und ging

Der europäische Luchs...

manches Risiko ein, „verkauft“ die Haltung verbürgen, sondern das Stangengewicht, und 9 Kilo sind so enorm, daß es für edelstes Rotwild kein besseres Kriterium gibt.

VON KARAJAN UND VOGL
Als der Hirschkopf des Salzbarons Adi-Vogl unter den Hammer kam, war Holzer Mitbieter, und er wußte genau, daß dieses Geld gut angelegt war, denn der millionenschwer gewesene Hotelier versteht etwas von der Hirschkultur. Sein Kapitalist, der heute in Ramingstein steht, hat einen Stangenabwurf von 9 Kilo zu verzeichnen. Jeder Jäger weiß, daß leiz-

lich nicht die „Enden“ die Qualität verbürgen, sondern das Stangengewicht, und 9 Kilo sind so enorm, daß es für edelstes Rotwild kein besseres Kriterium gibt.

Auch Herbert von Karajan züchtet Hirsche. Elise Tatsche, die kaum bekannt sein dürfte. Seine Kapitalen und Tiere stehen in einem gut abgeschirmten Gehege in Mauerbach bei Wien. Der weltberühmte Dirigent kennt den Wildpark-Besitzer von Ramingstein und weiß, daß dieser Mann nur das Beste einer Gattung zu erwerben trachtet. Als Karajan aber für einen mit 212 internationalen Punkten und der Goldmedaille prämierten Hirsch 238.000 S auf dem Tisch liegen sehen wollte, mußte Holzer passen. Dabei fand er den Preis für nicht zu hoch, denn ein guter Hirsch kostet eben bis zu 200.000 S, und ein junger ist immerhin auch schon seine 30.000 bis 50.000 S wert.

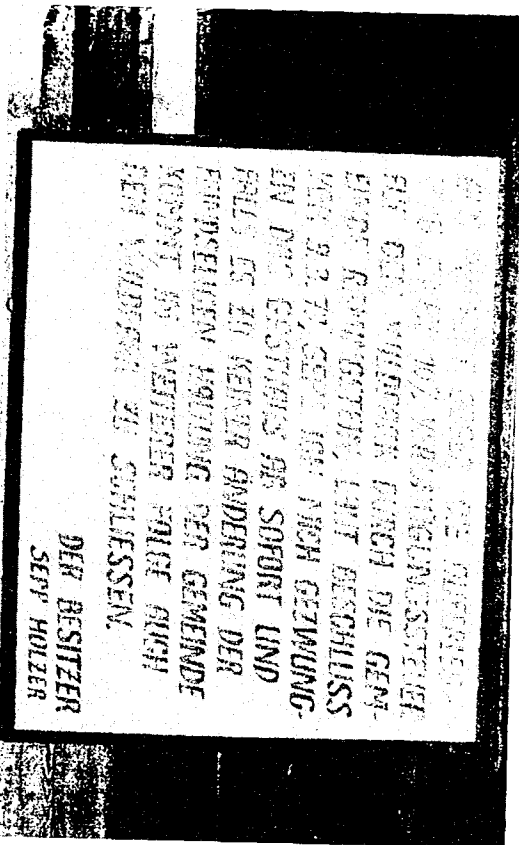
OBERSTES GEBOT: DIE HEGE
Selten, daß Holzer einen Veterinär braucht. Er versteht so viel von Tierpflege und Hege, daß er Verletzungen behandeln kann, er gibt sogar intramuskuläre Injektionen, wenn es notwendig ist, und bekämpft schädliche Parasiten, die die Gesundheit des Wildes oft gefährden. Er bedient sich eines sogenannten Narkosegewehres und plazierte damit Spezialinjektionen, die so konstruiert sind, daß sie nach dem ferngezielten Einstich und der Entleerung abfallen, ohne daß das Tier überhaupt etwas gespürt hat.

Man kann nur hoffen, daß sich endlich auch öffentliche Stellen finden, die es nicht bei einer verbalen Bewunderung bewenden lassen. Wenn es um Subventionen geht, fühlt sich niemand zuständig. Man wäre fast versucht, zu sagen: eine echt österreichische Lösung...

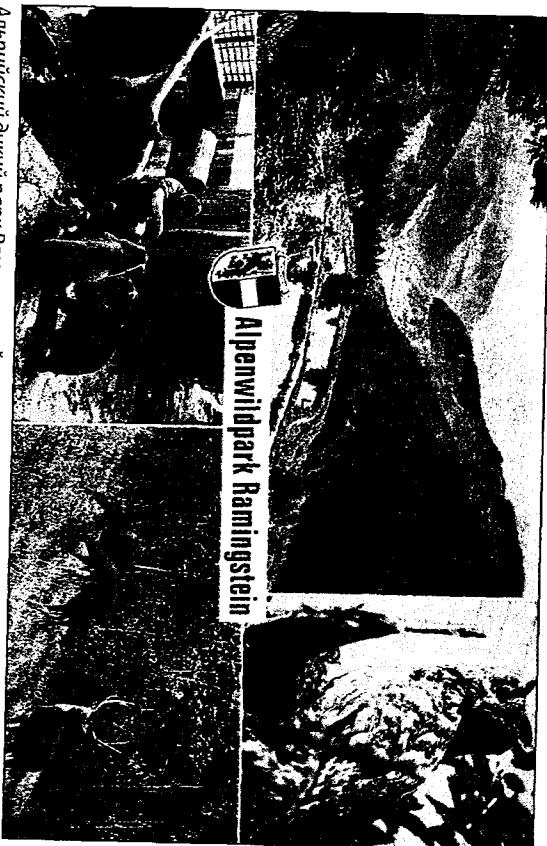
Foto: Borovicka

«Райский уголок Лунгау лежит в Рамингштайне» — статья из газеты о природном парке с вольерами для редких диких животных.

В протест 10-процентному налогообложению сельсоветом Рамингштайна (от 09.03.1979 г.) парк в вынужден закрыть, и закусочную тоже. Этой вывеской я информировал посетителей, почему парк закрылся.

Алпийский дикий парк Рамингштайн.
Многие годы этот парк был основным источником дохода. Тогда в Крамерхорфе нашли свою родину такие редкие животные, как медведь, рысь, алпийский горный козёл, алпийский сурок и флипп. Вольеры были так хорошо сконструированы мною, что звери приносили много потомства.

ным трудом. Я часто сомневался, нужно ли было вообще затевать весь этот ремонт, к тому же, это выливалось в кучу затрат.

Теперь, оглядываясь назад, я очень рад тому, что сделал свой дом уютным, не сравнимым с современными домами. Дома, которые строились в 60-х годах, возводились по шаблону, имели плохую тепло- и звукоизоляцию, по-моему, они не так комфортны и непривлекательны. Я чувствую себя в своём отремонтированном старом крестьянском доме, как в сказочной стране.

Во время стройки я придумал приспособить большие комнаты под закусочную, а позже под гостиницу. Весь верхний этаж был обустроен под гостевые комнаты. И всё же я допустил одну ошибку с отоплением. При открытии гостиницы и парка с животными было столько людей, что у нас не хватало времени подбрасывать ежечасно дрова в печку, находящуюся в подвале, к тому же, лестница, ведущая в подвал, была длинной, а печка не такой хорошей. Позже, проконсультировавшись, я перешёл на отопление жидким газом. Заменял печь также и на кухне, что потребовало больших материальных затрат. Помню год, когда я за газ отдал 120 000 шиллингов (8.721 евро). К тому же, появились проблемы у персонала кухни, они стали жаловаться на головную боль и жжение в глазах. Это заставило меня ещё раз перестроить всё отопление — газовый котёл, ёмкость для газа и всю газовую кухню, система стала теперь образцовой, но не пригодной для продажи. Частично я оплачивал переработку отходов. В других гостиницах нашего региона тоже стали переходить на газ; позже я понял — газовые системы были большой ошибкой. Я вернулся к отоплению дровами, на кухне теперь стояла электроплита и печка; подогрев воды в доме и отопление с тех пор тоже комбинированные. Потрескивание дров зимой на кухне вновь создало атмосферу уюта. В доме была построена также большая кафельная печка, всё это создаёт прекрасный живой климат. Я рад, что вновь вернулся к использованию натурального материала для отопления.

То, что в 1972 году начиналось с закусочной, со временем расширялось — разведение грибов, садоводческая школа, спортивная ловля рыбы, парк диких зверей, гостиница. Бывало, гостям приходилось спать на сеновале в спальных мешках в ожидании свободной комнаты. Почти всегда дом был полон людей, поэтому внешние сооружения должны были быть соответствующими — парковочные места, скамейки, детская площадка, то есть то, что здесь, на крутом склоне, сделать сложнее, чем в долине. В сумме было завезено более тысячи грузовиков со стройматериалами.

В то время о личной жизни не было и речи, мы заразились так называемым трудолизмом. С одной стороны, это было в радость — иметь такой большой наплыв людей, но, с другой стороны, не было времени для себя и семьи. День за днём, с раннего утра до поздней ночи была только работа, особенно напряжёнными были праздничные дни. И то, что моя жена родила на свет пятерых детей, когда мы должны были спать на чердаке, чтобы гости не спали на

сеновале... Без нянечки моя жена кормила всех гостей, при этом качая коляску, и управлялась по хозяйству. В то время, если кто-то из нас шёл, а не бежал, возникал вопрос: может быть, он заболел?

С сегодняшней точки зрения, мы подрывали своё здоровье, но тогда — это было так здорово: быть преуспевающими, считать вечером деньги, если вообще хватало на это времени.

Наш успех, конечно, не остался незамеченным для некоторых завистников из деревни. Политика Сельсовета тогда была сильно зависима от завсегдатаев трактира, а следствием стало — 10-процентное налогообложение (с оборота) со зрелищных и увеселительных предприятий. Дополнительно мне предписывались налоговые проверки (налога на напитки, налога на оборот, налога на зарплату и налога на доход).

В условиях разнообразия нашего предприятия и разносторонности источников дохода не всё досконально было учтено, и не каждая мелочь была по порядку внесена в кассовую книгу. При различных налоговых проверках были найдены такие маленькие недостатки, поэтому было решено сделать сумму оборота приблизительной, и, как следствие, я должен был выплатить налог почти 1 млн. шиллингов (73.000 евро), что, на мой взгляд, было чересчур завышенным. Я сразу же решил закрыть гостиницу.

Так как Сельсовет не шёл навстречу моим попыткам убрать этот 10-процентный налог, то я со временем закрыл и мой парк с вольерами диких животных. Закрытие закусочной и парка вызвало резкую реакцию общественности, ведь это было одно из излюбленных мест, известное далеко за пределами нашей округи. После закрытия парка Сельсовет сделал мне предложение, на основании моего заявления, о возвращении 10 процентов (вносимых моим предприятием за «увеселительные и зрелищные мероприятия») на финансирование моего предприятия. Но для меня — «поезд уже ушёл», основываясь на своём опыте, я не хотел иметь ничего общего с этим.

Теперь я мог более интенсивно заниматься спекультурами и разведением садов. У нас снова появилось больше времени. Парк с дикими животными с территории примерно в 30 га я превратил в хозяйство по разведению горных козлов, серны, благородных оленей, лани и т. д.

Тогда в моём ведении было более 1.000 га охотничьих угодий. Вскоре мои спекультуры, охотничьи угодья и хозяйство по разведению животных, а также гостиница стали приносить доход не меньший, чем закусочная и парк с дикими животными.

Зависть — ужасный груз

Это что-то особенное: сначала высмеивают и ругают, а потом завидуют. Из зависти один сосед однажды на подъезде к нам высыпал на дорогу обломки напильников для бензопилы и гвозди. Почти 20 автомобилей из-за этого пострада-

ли, среди них также и машины техпомощи. Параллельно с этим постоянно приходили анонимные жалобы на нас, в большинстве случаев — из-за превышения тоннажности на подъездной дороге. В итоге виновник был обличён, осуждён и наказан. Во всей этой истории он сам себя наказал больше всех. Он должен был попросить прощение у каждого пострадавшего и возместить убытки.

За его безобразное поведение я его давно простил и ничего не потребовал для себя за убытки. Он должен был сам понять, по совести, как с этим справиться в себе.

Покупка новых участков

Для расширения террас и садов мне была необходима покупка новых земель и обмен. Так я, к примеру, купил в Тамсвеге поляну и обменял её на прилегающий к моим землям участок. Правда, при этом мне пришлось заплатить налог за покупку земли дважды, а не один раз, как это было принято при обмене, а всё потому, что моя идея выглядела спекулятивно.

Так же я приобрёл и родники, тогда ещё дёшево, и обустроил водяную сеть общей протяжённостью 10 км, которая обеспечила весь мой водяной ландшафт и две электростанции, используемые мной и сегодня.

Разведение нутрии

Я очень рано понял, что для меня нет будущего в традиционном ведении сельского хозяйства. Поэтому, несмотря на все удары и негативный опыт, я всегда снова и снова занимался поиском новых возможностей производства в сельском хозяйстве. Однажды я прочитал в сельхозгазете статью Университета почвенных культур в Вене о возможности выгодного разведения нутрии. Этих зверьков можно разводить для мяса и меха.

Это звучало заманчиво. В скором времени я запустил опытный проект. Эти животные были поселены в большие помещения с проточной водой и, частично, на свободе, в садах у водоёмов. Разведение шло без проблем, и сбыт вначале выглядел гарантированно. Только намного позже, когда скорняки, после «мехового протеста» защитников животных, столкнулись с проблемами, это отразилось и на моём деле. Несмотря на то, что защитники природы всегда подтверждали моё примерное содержание животных, меховой рынок развалился. Мои заказчики-скорняки разорились, и я потерпел неудачу. Нутриевый проект закончился.

Пчеловодство

Много лет более или менее интенсивно я занимался пчёлами. Этот вид деятельности прекрасно уравновешивал часто очень напряжённую остальную работу. К тому же, у пчёл можно многому научиться. Для моего ведения сельского хозяйства пчёлы незаменимы. Они играют очень важную роль в опыле-

нии множества растений, плодовых деревьев, лекарственных трав и т. п. Главное, что собранный из всего этого мёд является эликсиром жизни.

Похожая ситуация происходит и с другими биопродуктами, так же, как и с мёдом: взятку из всего этого разнообразия растений, к сожалению, недостаточно оценён, находится в так называемой конкуренции с традиционными хозяйствами. Поэтому со временем производство мёда я сократил и оставил его лишь в небольшом количестве. От пчёл же, имеющих огромное значение для экологии, во много раз превышающего ценность мёда, я не могу отказаться.

Разведение редких птиц

Я всегда интересовался кекликами, рябчиками, тенёрками, тетеревами, а также перепелами, куропатками и фазанами. Всех этих птиц я разводил в собственноручно сконструированных вольерах, и они успешно размножались, даже такие ночные охотники, как совы и филины.

В настоящее время я размножаю в теплицах синелобого амазона и больших попугаев. На парочку одного из этих видов я наткнулся случайно и взял их на временное содержание у одного селекционера. Они хорошо прижились у меня, и приносили от 2 до 3 птенцов ежегодно. Самое важное в содержании этих птиц — создать максимально приближённый к природным условиям биотоп.

Проект «Рысь»

На протяжении многих лет я с большим успехом занимался содержанием европейской рыси. Много детёнышей появилось на свет у меня, некоторых из них я и сегодня встречаю время от времени в своих угодьях.

Здесь рысь обеспечивает самый лучший уход. Она охотится на больных животных, исправляет ошибки охотников. Кто хотя бы раз наблюдал рысь при охоте всё равно на кого: на мышь, зайца или большую косулю, будет восхищён этой благородной хищной кошкой.

В связи с этим хотелось бы рассказать один интересный случай. В газете «Зальцбургский крестьянин» я прочитал о продаже старых кур несущек в большом количестве, по цене всего 10 шиллингов (73 цента) за штуку. Я поехал к этому человеку, желая купить 100 штук, но, к моему разочарованию, я увидел полуголых, содержащихся в клетках, кур. Так как я был здесь, я всё же купил 100 штук. Этими курами я хотел кормить пару рысей с четырьмя детёнышами.

Приехав домой, я сразу же забросил в вольер к рысям трёх кур, которые молниеносно были задавлены. С кормёжкой в этот день для меня было покончено. Следующий день я планировал как разгрузочный для животных — в природе они не каждый день имеют добычу. Через день проверил, всё ли съедено (ничего не должно было пропасть, остатки всегда мной убирались). Однако пара с детёнышами своим поведением показывала, что они были чересчур голодны. Осмотрев вольер, ища остатки кур, как минимум, перья, я обнаружил

В разведении зубров, бизонов и яков я имел большой успех и зарабатывал хорошие деньги, но с открытием восточных границ рынок развалился, цены упали, и я перестал этим заниматься.

Разведение лесных птиц, таких, как тетерева, тетёрки, рябчики, доставляло мне много радости, но и хлопот, потому что не всегда можно было легко найти для этих требовательных животных подходящий корм.

всех трёх кур в одном месте, прикрытых землёй, листвой и травой. Причина мне стала сразу же ясна: из-за питания и содержания в клетках, где куры напичкивались всевозможной химией, они были настолько безвкусными, что по своему природному инстинкту рысь признала их не пригодными в пищу.

Я сразу же поехал за едой к мяснику в Тамсвег, на которую рысь с жадностью набросилась. Оставшихся кур много недель я выкармливал в больших вольерах своими, не отягощёнными химией, зерновыми остатками с кухни и травой. Каждую неделю я приносил рысьям по одной курице на пробу, поначалу происходило то же самое. И только спустя пять недель впервые рысь съела курицу.

Выяснилось, что не только рысь, но и лисы и куницы отказываются есть инкубаторских кур. Животные, имея сильный природный инстинкт, сами выбирают себе пропитание, избегая всего, что могло бы подвергнуть опасности их здоровье. Они скорее подохнут с голоду, чем будут такое жрать. И мы, люди, через наблюдение за животными можем многому у них научиться, потому что мы свои природные инстинкты давным-давно потеряли. Мы проверяем то, что судим, всё равно что не проверяем вовсе.

Мой опыт с сурками, дикими зайцами и косулями показал, что животные не жрут, к примеру, салат из традиционного овощеводства, они также пренебрегают свёклой, морковью и капустой до тех пор, пока имеют хотя бы малейшую возможность избежать такого питания. Однако отходы от салата и других биопродуктов съедаются даже в состоянии начала разложения, вместе со стеблями и корнями, без остатка. Прежде чем притронуться к овощам из супермаркета, они будут кушать отходы салата и других биологических продуктов вместе с корнями и стеблями.

Дикое животное, которое имеет возможность питаться натуральной пищей, приложит все усилия, чтобы питаться максимально здоровой пищей. Когда животное не имеет такой возможности, сразу видны последствия. У птиц, к примеру, становится матовым, без блеска, оперение. Хищники едят слабых или больных, но никогда — отягощённых химией животных. Если заставлять их есть ненатуральную пищу, то они болеют, что наблюдается в зоопарках и парках для зверей, и это приводит к длительному их выхаживанию.

Ядовитые растения очень важны для животных

Животные могут обойтись и без человеческих медикаментов. Когда у зверей корм становится бедным, а ядовитые растения, используемые животными как природные медикаменты, недоступны, то их желудочно-кишечная система поражается паразитами. Следствием являются поносы, шерсть теряет блеск, становится матовой, животное выглядит больным.

Если в загоне у одной косули понос, это знак поражения паразитами. В большинстве случаев это происходит со слабыми особями, если животное на-

долго перевести в новый загон, то при наблюдении видно, что они первым едят — горький люпин, щитовник, ракиту и такие особо ядовитые растения, как аконит. Проходит совсем немного времени, и животные становятся снова здоровыми. В абсолютно здоровом состоянии животные пренебрегают этими травами.

Из их естественного поведения видно, что природная аптека работает и без рецептов. Но что делает человек?! Он идёт к врачу за рецептом, а потом в аптеку, и глотает таблетки.

Разница между домашним и диким крупнорогатым скотом

Между домашним и диким крупнорогатым скотом, зубрами и бизонами, я обнаружил разницу в питании, о которой стоит рассказать. Домашние коровы с удовольствием едят клевер, сено отавы, тогда как дикие с удовольствием едят структурированное сено с обеднённых полей, маленькие веточки, лишайники с деревьев. Поведение обезроженных домашних животных при наблюдении показалось мне особенно неестественным. Я думаю, что рога имеют влияние на поведение животного, служат, наверное, своего рода передатчиками. Я могу себе представить, что в рогах и копытах откладываются вредные вещества, которые не могут быть выведены другим способом из организма, кроме как через естественное снашивание. Между тем обрезание рогов, а также кастрация свиней равны калечению животных. Маркирование ушей, по моему разумению, воздействует, похоже, также негативно. Чрезмерно большие ушные марки Евросоюза в обоих ушах не только некрасивы, но и негативно влияют на среднее ухо — из-за мешающего шума ветра, разницы температур летом на солнце и зимой в мороз, к тому же они вызывают опасность травмирования через цепляния и, как следствие, вырывание. То, что Профсоюз проголосовал за ушные марки, мне непонятно, я боюсь, что крестьянам когда-нибудь также повесят такие ушные бирки. Альтернативу я вижу в татуировках животных.

Успешное разведение и здоровье животных лежат в наблюдении и распознавании взаимовоздействий и взаимосвязей. После того, как меня всё время спрашивают: как я точно определяю взаимодействия животных и растений, я могу только повторить — поставь себя на их место! Ты являешься животным, ты являешься растением. Ты — противоположное. Исходя из этой точки зрения, попробуй понять, что тебе нравится, а что нет, и что бы ты изменил.

В основе своей это очень просто, потому что в природе нет ничего сложного, а если и есть, то это только то, что делает сложным сам человек, теряя таким образом доступ к этому. Такой способ наблюдения действенен как для дождевого червя, так и для попугая, зубра или рыси, а также для цветка или яблони.

Горечавка: удачное разведение

Многие животные и растения занесены в Красную книгу, это значит, что они на грани исчезновения. Почему? По моему мнению, мы разучились жить, следуя круговороту природы, и полноценно использовать его. Ведь, в конечном итоге, всё растёт для человека и животных. Человек стоит на высшей ступени цепи питания.

На примере точечной горечавки, занесённой в Красную книгу, я хочу показать, на каком ложном пути находятся защитники природы и наука.

Пять лет я старался развести это растение в теплице, различные инструкции по разведению не принесли никаких результатов. Злясь, я выбросил из теплицы на улицу деревянные ящики с землёй и семенами. Несколько месяцев пролежали они на улице, пока я не собрался их сжечь. И тут я увидел в одном из ящиков маленькие росточки. Я стал скрупулёзно исследовать их и увидел, что это росла горечавка. Что же произошло?

Земля в ящиках оставалась долгое время под открытым небом, много раз замерзала и оттаивала, снег и дождь вымыли часть земли, по-моему, всё это и вызвало прорастание.

Благодаря этому случаю я должен был более тщательно пронаблюдать круговорот в природе.

Точечная горечавка растёт в нашем регионе выше границы лесов, примерно от 2 тыс. метров над уровнем моря. Когда там созревает семя, я знал — в сентябре. Как делится семя, когда опадает? Я определил, что семена эти не летают, а достаточно плотно опадают вокруг материнского растения. Копытами коров, коз и баранов, а также на шкуре животных и ветром разносится семя в форме листочка по округе. Скот втаптывает семена в землю, где они прорастают, или, когда животные съедают их вместе с травой, то через навоз горечавка высеивается в разных местах.

Погода высокогорья очень изменчива осенью. Утром — мороз, днём — сухо и тепло, иногда дождь, сухость, снег и опять сухо, и так до тех пор, пока зима не укроет всё снегом. Весной такая изменчивая погода продолжается вплоть до июня, когда на короткое время бывает по-настоящему тепло. Семя горечавки, таким образом, много раз вымачивается и снова высыхает, замерзает и оттаивает. Это семя может прорасти только тёплым летом, чтобы увидеть его росточки, нужна лупа.

Если все эти факторы воздействуют на горечавку, то она прорастает в большом количестве. Важную роль при этом также играют сопровождающие этот процесс грибки (микрोगрибки), живущие вокруг материнского растения. Вместе с семенами животные и ветер будут разносить и грибки. Если логически поразмыслить, то напрашивается вывод: семя горечавки прорастает за счёт света и мороза. Так, благодаря природным воздействиям, происходит стратификация (стимуляция семени к прорастанию), и к тому же, оно получает необходимый сопровождающий грибок.

Жёлтая горечавка произрастает только на известковых почвах — это мнение так называемых экспертов. Мною высеянная горечавка, между прочим, даже на первичной породе будет выше человеческого роста.

Как же я должен привести к прорастанию семени, если я уже в сентябре собираю горечавку? В спецлитературе рекомендуется держать семена до весны, мои же эксперименты показали, что тогда оно теряет способность к прорастанию. Если же хранить семена горечавки с водой и землёй с места произрастания, при температуре -10 – -15°C , в морозильнике, в пластиковом пакете, то, разморозив его и высеяв семена в скудную землю, она будет расти как трава. Это результат моего наблюдения.

Многие участники моих семинаров и посетители испытали с успехом мой метод на практике. Таким способом можно размножать и многие другие виды растений и грибов.

Это свидетельство бедности науки, когда она не может преподавать нашим детям, как сохранить растения и животных в природе, как создать необходимый биотоп, привнести многообразие в природу. А что делает наука и органы власти? Они организуют органы защиты природы, которые, в свою очередь, уполномочены охранять. Эти охранительные органы проверяют крестьян, чтобы они не пересаживали к себе на участки и не использовали даже части растущих на своих землях альпийских растений. На примере точечной горечавки я могу доказать, что этот запрет не только не защищает это растение, а, напротив, вредит.

Горечавка в природе растёт примерно 30–40 лет, а потом отмирает. Собиратели кореньев в старину всегда использовали самые большие корни горечавки в лечебных целях или для выгонки шнапса. Выкапывая старый, большой корень, они глубоко рыхлят землю, тем самым давая возможность молодой поросли разрастись, так омолаживается семейство горечавки. К тому же, на следующий год семена опадают и идеально приживаются в пораненной почве. Этим методом, где каждый получил своё, и завершается круговорот в природе.

Тотальная защита природы, на мой взгляд, противодействует этому, горечавка теперь собирается нелегально. Есть опасность, что её или всю повырывают, или, не прикасаясь, не помогут ей размножиться. Корень уплотнится, и растение умрёт само. Это не только никому не помогает, но может произойти процесс, обратный желаемому.

Разведение ценнейшей ивы серебристой

На примере редчайшей серебристой ивы я хотел бы показать, каким простым может быть размножение. Серебристая ива — экологически ценнейшее дерево. Серёжки весной являются питанием для пчёл, шмелей и бабочек, к тому же, это прекрасное, красивейшее декоративное дерево. Его пальмовые серёжки являются традиционным украшением в различных народных обрядах. При распускании молодых серёжек ветки деревьев вместе с почками представляют ценнейший корм для птиц, в первую очередь, тетеревиных. Мои голубые амазоны также едят их с большой охотой.

Серебристая ива «потеет» через листья, отдавая таким образом сок. В листочках из сока забирается белок, а чистый сахар выделяется на поверхность. Этот сахар собирают пчёлы и делают ценнейший лиственный мёд.

Дерево ивы прекрасно используется, после повала, для разведения грибов — через вращивание в ствол грибниц. Произрастающие на этом стволе грибы: вёшенка, опёнок зимний и шиитаке, вбирают сладковатый привкус дерева. Корни ивы, выделяя в почву вещества, способствуют росту растений. Наряду с этим ива отвлекает зверей на себя, являясь для них лакомством, звери ею с удовольствием питаются, обкусывая ветки и объедая кору. Таким образом могут быть защищены другие деревья, такие, как яблоня, сосна кедровая, дуб, каштан. Даже сильно поеденная, она прекрасно растёт.

Ива серебристая очень хорошо размножается черенками. В нашем регионе для этого используют черенки от 8 до 10 см толщиной и до 2 м длиной, вбивая их на 50 см в мокрую, болотистую землю. В первый же год они прекрасно разрастаются, потом внезапно становятся больными, чахнут и обламываются. Раньше люди думали, что это потому, что дереву не подошла земля или что-то другое, причину никто не искал.

У меня же принято в случае неудачи, как уже упоминалось, обязательно найти причину. Для этого я исследовал одно из брёвнышек, раскопав нижнюю часть. Кора в глубину до 45 см была чёрно-синего цвета и отмёршая. Только 5 см от поверхности были ещё зелёными, и спящие глазки образовали в этом месте корешки.

Я думаю, причина — плотность мокрой земли: внизу нет доступа кислорода, поэтому нижние глазки не могут дать корешков, кора в этом месте «задыхается» и отмирает. Оставшаяся в дереве влага и образовавшиеся на поверхности корешки дают возможность деревцу расти пару лет, а после того, как нижняя часть гнивает, оно теряет опору и падает.

Таким образом, я выяснил причину опрокидывания стволов и стал разрабатывать свой метод. Сначала я посадил иву на различных биотопах: на сухой, каменистой, влажной и мокрой почвах. Отверстия для посадки я делал немного больше, а черенки короче обычного. В каждое отверстие я посадил по два черенка: один толстый и подлиннее, другой — тоненький, поменьше, чтобы они не болтались, я притоптал землю ногой.

Теперь в отверстие поступает достаточно кислорода для того, чтобы спящие глазки могли пустить корешки. Маленький черенок предотвращает полное закрытие отверстия и выполняет функцию подсаженного резерва. Результат: после 4 недель все глазки выпустили корешки. Черенки стремительно стали расти вверх, маленькие росли сильнее, стараясь догнать своего старшего брата. Уже после 5-7 лет их нельзя было отличить.

Этот метод зарекомендовал себя на всех видах почв одинаково. Нельзя не упомянуть, что лучшее время для среза черенков — это вегетативная пауза, в декабре. При этом у дерева могут быть обрезаны все ветки и оставлены лежать.

Лучший срок посадки — в марте или апреле, когда закончились морозы, на нарождающейся луне. Черенки примерно от 50 см до 2 м в длину, и толстые, и тоненькие, каждый кусочек пригоден для посадки. Стоит только обратить внимание на то, чтобы не засунуть черенок в землю не той стороной. Глубина лунок варьируется в зависимости от длины веток и твёрдости почвы и составляет от 20 до 50 см.

Существует более 400 видов ивы, для которых этот метод размножения оказался наилучшим. Но к иве козьей (*Salix caprea*) это способ вообще не подходит.

Встречи с людьми, потерявшими связь с природой

Отчуждение человека от природы принимает такие масштабы, что волосы встают дыбом. Нередко у посетителей парка бывали такие выходки из-за отсутствия знаний, что я никогда не думал, что такое возможно. Если бы некоторые вещи я не пережил сам, мне было бы тяжело в это поверить.

Вот случай с женщиной из Берлина с двумя детьми. Это было сразу же после открытия нашего Альпийского дикого парка. Напротив дома, у кормушки, стоял олень «Ёгль» с большими рогами, рядом самец косули «Ханси». Я оказался случайно рядом, когда женщина стала объяснять детям:

— Посмотрите, дети, это олень, и у него уже есть малыш, такой чудесный!

Мгновение я был озадачен, что она приняла косулю за молодого оленёнка, но решил подыграть. Она спросила меня:

— Сколько лет малышу?

— 14 дней назад он родился.

— Ах, и у него уже такие большие рога?

— Да, вы знаете, они им нужны уже при рождении, чтобы защищаться от хищников.

— Как вы узнаете, когда родятся малыши?

— Очень просто, слышно, когда они выходят с треском, олениха кричит.

— Да, я представляю, как это жестоко...

Или другой весёлый случай с нашим соседом и хорошим человеком Полднем, который мог, неделями выпивая, кочевать от одного трактира к другому на своём грузовичке. Однажды вечером он приземлился на нашей террасе для гостей и сидел, пока все не разошлись. Заказав под конец ящик пива и бутылку шнапса, он исчез, а я закрыл заведение. Утром везде стояли ополовиненные бутылки пива, но Полдней нигде не было. Среди первых посетителей была женщина из Гамбурга с подростками, сыном и дочерью; заплатив за вход, они пошли по парку. На одной из тропинок они обнаружили пьяного спящего Полдня. Ниже находился загон с кабанами, а выше тропинки — вольер с сурками. Всё выглядело так, будто он упал.

Объятые ужасом, гамбургцы вернулись ко мне с требованием вызвать пожарников для работника парка, у которого случился сердечный удар.

Я удивился, почему пожарников, ведь нигде не горит? Только позже мне объяснили, что в Германии в таких случаях вызывают для спасения пожарников.

В то время у нас был работник, который ухаживал за зверями, — Эрих, я тут же позвал его, он сразу ответил:

— Слава Богу, с ним всё в порядке, — думал я.

«Что же ещё могло случиться?» — спрашивал я себя.

Из предосторожности я решил проверить, и вскоре на тропинке обнаружил спящего Полддя, он, выпив ящик пива и шнапс, не осилил дорогу до следующего трактира.

— Что же делать? — спрашивали гамбургцы.

— Сейчас, — сказал я и принёс полный чан с кукурузой и сталсыпать на храпящего Полддя. Ниже тропинки из загона я позвал большого кабана «Макси» из вольера, и всё стадо с поросятами сразу же прибежало к нам. Поросята проскользнули через отверстие в сетке и тут же стали с удовольствием лопать кукурузу с его одежды. Наблюдавшие всё это с безопасного расстояния, гамбургцы с ужасом заметили:

— Что он делает? Он же скармливает работника кабанам! Он же ещё живой!

В истерике они исчезли.

Вскороности появился патруль жандармов из Тамсвега, они хотели знать, что здесь случилось. Я объяснил, что маленькие, хорошенькие поросята, помассировав, пробудили Полддя и не съели его, опасности никакой нет. Проснувшись от звонких и смачных поцелуев, со словами: «Что происходит?», Полддь пришёл в себя, отряхнулся и продолжил путь к следующему трактиру в Томаталь. Один из жандармов сказал:

— Я так и думал, что будет что-то подобное.

Он попросил меня пройти с ним в участок, потому что женщина с детьми ещё не успокоилась, но у меня не было времени для этого. Больше я о них ничего не слышал.

Разведение змей

Несмотря на мою привязанность к природе змей я боялся с детства. Раньше большинство людей, наткнувшись, к примеру, на покосе на змею, ужасно пугались, и обычно этих бедных животных забивали.

Во время поездки в Африку, в 1978 году, у меня появилась возможность познакомиться с рептилиями поближе. Фермер содержал такую ядовитую змею, как мамба, в своём саду. Ящерицы и другие рептилии ползали по стенам и забирались даже в спальню. Вечером, когда становилось чувствительно холоднее, животные искали тёплое местечко. Перед тем, как идти спать, мы должны были

проконтролировать, не заползла ли змея в постель. Для моей жены Врони и меня эта ситуация была не очень приятной. Это заметили и наши хозяева. Мы пытались овладеть собой, но пугались снова и снова, когда большая змея пересекала перед нами дорогу. Мне было неловко за свой страх, ведь я знал, что змеи — полезные и красивые.

Этот страх перед змеями со временем я нашёл постыдным и решил у себя дома, в теплице, завести змей. Я хотел, чтобы и у детей не было страха перед этими рептилиями.

После поездки в Африку я отправился к ветеринару, доктору Францу Розиан, в Мурау (который тоже разводил змей), чтобы купить четырёх молодых тигровых питонов. Я был удивлён, когда увидел размеры взрослых животных. Молодые понравились мне больше. Тут наступил решающий момент. Когда я попросил выбрать четвёрку молодых и положить мне в мешок, Франц ответил:

— Нет, сам выбирай.

Мне было стыдно признаться, что я не хотел прикасаться к ним, до сих пор я убежал от змей. Тогда я сказал моей дочери Клаудии, которая сопровождала меня в этой поездке:

— Они будут принадлежать тебе, выбирай, каких хочешь.

— Нет, — ответила она, имея в виду, что возьмёт их только после меня. Каково мне было с этим справиться, может представить каждый. Назад дороги не было. Впервые я должен был голый рукой залезть в гнездо и вытащить семидесятисантиметровой длины молодых змей. С большим трудом, двумя руками я справился с этим, думаю, волосы в этот момент стояли у меня дыбом! Несмотря на всё это я не должен был подать и виду. Я даже не успел уследить, как моя дочка достала остальных трёх. После того, как она увидела, что я вытащил одну змею, у неё не осталось страха.

С тех пор змеи стали её любимыми животными. Она даже брала их из теплиц в комнату, чтобы была возможность показать их бабушке. Бабушка всегда спасалась бегством, когда видела змей. Дети всегда радовались, видя этих прекрасных животных в теплице. И даже Врони потеряла страх перед ними. Этот пример показывает, как может быть просто преодолен страх у детей перед змеями.

Мы держали питонов в теплице многие годы, они великолепно развились и выросли. Однажды весной у меня были покупатели во дворе. Эти люди властно, без спроса, вошли в теплицу, чтобы посмотреть, и потом я услышал оттуда ужасный крик и шум рушащейся теплицы. Они так испугались, увидев под кустами лежащих змей, что в панике не смогли открыть дверь, а стали выбивать её ногами. И, спасаясь бегством, добавили, что никогда больше не придут ко мне, признавшись, что никогда раньше не испытывали такого смертельного страха.

Причём питоны не ядовиты, и при правильном содержании безобидные животные. После того, как змеи стали причиной такой паники, а дети к тому времени выросли, я продал питонов.

Опытный проект «Компостирование отстоя»

Я вспоминаю ещё то время, когда в Тамсвеге с очистительных сооружений поставляли крестьянам и владельцам участков жидкий отстой. Тогда он пропагандировался как хорошее органическое удобрение.

Я тоже хотел попробовать сам компостировать отстой, и начал проводить опыты в теплице, где в ящиках смешивал отстой с землёй, листвой, соломой и добавлял туда дождевых червей. Растения так же, как и черви, в этом субстрате росли хорошо. Позже я насыпал сухой отстой из Тамсвега и Мурау пирамидально, под открытое небо. Отстои имели различный состав: в Тамсвеге его размешивали и прессовали с известью, в Мурау — с мучнистой породой. Прежде чем высыпать материал, его смешивали в соотношении 1:8 с землёй, щепками, соломой, листвой, а также с дождевыми червями. На гребнях этих насыпей могут быть высеяны корнеплоды всех видов. Этот опытный проект продолжался больше трёх лет. С округа Тамсвег были взяты пробы на почвенно-биологическую проверку и посланы в Зальцбург. Заключение инженера Виндиша об этом методе были более чем позитивны, он заключил, что оземлённый отстой подходит даже для выращивания биопродуктов. Этот радостный результат подвигнул меня начать проект «Компостирование отстоя» на ещё одном моём участке в Тамсвеге.

Однако я приобрёл горький опыт в этом деле, потому что правительство земли Зальцбург тут же обязало меня выстроить крытое помещение для этих целей с бетонированным и изолированным от земли покрытием. Я имел право заниматься компостированием исключительно в таком ангаре.

Это было ударом, который за один раз разрушил всё. В крытом, изолированном от естественных погодных условий и вегетации, помещении компостирование отстоя невозможно! Это мне было ясно, но власти, ссылались на всевозможные действующие предписания и законы. В конечном итоге, мне достались все расходы за проектирование и исследования, этим всё и закончилось. Является ли сегодняшняя практика транспортировки и централизованной механической переработки отстоя лучшим способом, я оставляю под вопросом.

Но во всём этом был и положительный момент: мой метод был передан многим биологам-аграрникам. Из Индии я получил сообщение, что этот проект внедрён с большим успехом. Там не только отстой, но и отходы с бойни таким образом компостируют. В полученный субстрат вносят дождевых червей и их яйца. Этот субстрат продают по всему миру для регенерации мёртвой или отягощённой земли. Почему это невозможно в Австрии?

Директор лесного хозяйства без охотничьего билета — случаи с охотниками и охотвластями

Начало охотаренды

С детских лет моё сердце жаждало охоты. Каждый охотник с ружьём и убитая дичь притягивали меня, особенно, когда я с друзьями, идя по дороге в школу, видел, как доставлялась дичь князю Шварценбергу.

В 1960 году я сдал экзамен по охоте. Восхищённый, я сразу вступил в местное общество охотников. Уже в 1963 году я получил разрешение пользоваться угодьями в Койшинге и Винкле площадью в 500 га — для единовластного хозяйствования. Причиной был ущерб, наносимый арендаторам этих земель оленями, объедавшими кору деревьев.

Я должен был за два года выровнять убыток, и стал единственным охотником на всей этой территории. Чтобы достичь успеха, я опросил пострадавших владельцев земли. И то, что я был единственным владельцем таких угодий в сообществе охотников, многих не устраивало, появилась зависть.

Директор лесничества приглашает себя сам на охоту

Летом 1964 года, когда я был короткое время охотником-арендатором, не приглашённым появился директор лесничества Сельскохозяйственной Палаты Зальцбурга.

Этого человека лично я не знал, но имя его мне было знакомо. Он сказал: — Привет Бога, г-н Хольцер! Извините, что я на вас так внезапно свалился, но мне сказали, что у вас можно хорошо поохотиться. Не дадите ли разрешение на отстрел одной косули?

Посещение такого высокопоставленного гостя было для меня сюрпризом и честью. Я дал согласие, и мы пошли на охоту. В заключение он у нас переночевал. Чтобы у него было место, мама приготовила ему мою комнату, а я спал на чердаке. На следующий день он подстрелил двухлетнего самца косули, весом 16 кг.

— Можно я ещё одну дичь возьму с собой? — попросил он.

Я подарил ему ещё одного козла. Он поблагодарил и спросил, что он должен за ночлег и за мясо. Из предосторожности я отказался что-либо брать с него. На прощание он рассказал о приглашениях поохотиться из многих мест Австрии, но отметил, что здесь очень красиво, и он хотел бы снова побывать у нас и поохотиться на оленя. Он уехал, а я этот отстрел внёс в отчёт, по закону.

Приговор Общественного Охотничьего Суда Чести

Примерно через 6 недель я получил письмо из суда Зальцбурга. Меня обвиняли в том, что я пригласил на охоту и разрешил отстрелить косулю человеку, не имеющему охотничьего билета. По параграфу 48 Зальцбургского Охотничьего Закона я был признан виновным, и должен был представить письменную объяснительную в течение 14 дней. Я думал, что это заблуждение, ведь я никого не приглашал поохотиться. С этим письмом я поехал в Тамсвег к руководителю Окружного Лесного Совета, дипломированному инженеру Арно Ваттеку, который одарил меня взглядом и спросил:

— Вы проверяли, имеет ли директор охотничьи документы при себе?

Я был этому замечанию очень удивлён, ведь для меня было само собой разумеющимся наличие такого документа у директора лесного хозяйства, руководителя отдела в Сельскохозяйственной Палате Зальцбурга, к тому же, он рассказывал, что был приглашён в другие охотугодия, и охотился там. Этой информации мне было достаточно, чтобы не настаивать на проверке его документов. Нужно же иметь доверие к человеку, который занимает такой высокий пост! Мне посоветовали всё это написать в объяснительной, что я и сделал, и полагал, что этим всё и закончится, но вышло по-другому. К моему удивлению, поздней осенью меня вызвали на слушание дела. Я вновь обратился в Окружной Совет, где ещё раз рассказал о своей проблеме, и попросил контакта с директором. В длительном разговоре директор сказал, что это всё смешно, и пообещал предоставить хорошего адвоката из Зальцбурга, чтобы при первом же слушании закрыть это дело. Я поехал к адвокату, он успокоил меня, что ничего не случится, в крайнем случае, получу предупреждение. Но я был с этим не согласен, потому что не считал себя виновным. Он же сказал, что не сможет опротестовать выговор, и мне придётся принять это во внимание. Я был примерным зрителем угодий и охотником, а этот выговор мог всё мне испортить.

Заседание в Зальцбурге возглавлял председатель министерства финансов Тамсвега. Я сразу заметил, что господин директор, побывавший у меня в гостях, отсутствовал. Это было делом чести — присутствовать здесь, отсутствие означало бы мою виновность. Мои обвинения в адрес директора вызвали скандал, за это меня выпроводили из зала и пригласили лишь на чтение приговора. В итоге меня лишили охотничьего билета на 5 лет, к тому же, я должен был оплатить все судебные издержки и адвоката, что обошлось мне продажей четырёх коров. Также мне разрешили прочесть письмо-жалобу от завистников, которые сочли не нормальным, что такой молодой парень один имеет столько охотугодий. Мне всё сразу стало понятно.

Полный злости и досады, я после такой несправедливости сжёг всё охотничье обмундирование в костре.

Теперь арендаторами в этих угодьях стали главный врач больницы, директор школы и двое соседей, с которыми я не хотел иметь ничего общего из-за афёры с моим отцом. Я, не откладывая, стал искать законные пути, как вытянуть с них штрафы, показывая, какие убытки нанесли зайцы, косули и олени моей пермакультуре, и начал учить этому других соседей. Очень скоро я уже прекрасно знал весь «Охотничий закон».

Часто меня старались задеть тем, что стреляли поблизости ворон и зайцев или специально проходили с дичью возле моего дома. Тогда я стал стрелять время от времени в воздух, а вскоре обнаружил несколько лежанок, с которых за мной подсматривали. Посланные ко мне жандармы не нашли доказательств моей вины, ведь никто не запрещает стрелять в воздух.

Однажды, когда мы встретились с бургомистром Рамингштайна, моим бывшим учителем, он расспросил меня подробно обо всём, что произошло, и сказал:

— Да, парень, это настоящее свинство, что они в Охотпалате с тобой сдѣлали! Ты же настоящий охотник!

Мне было очень приятно слышать это от охотника и бургомистра.

Возвращение прав на охоту

По прошествии пяти лет ко мне обратились арендаторы с просьбой перенять охотугодия. Сначала я был не в восторге от их предложения, но заметил существенные изменения в их взглядах. Ко мне подходили именитые персоны с просьбой забыть об этой нехорошей истории. Я последовал их совету и в 1970 году перенял охотугодия, которые остаются за мной и до сегодняшнего дня.

Этот случай научил меня легче переносить несправедливость, видя при встрече с ней, какие рычаги могут быть включены. Наглядно стало понятно, как дороги мне мои спецкультуры, а убытки, нанесённые зверьём кормовым угодьям или зерновым, для богатых чужих охотарендаторов проблемой не являются. При спецкультурах, как моя пермакультура, показать и доказать урон оказалось очень трудоёмким процессом, с непредвиденно высокими расходами на восстановление.

Всё это, конечно, сдерживает каждого чужого, а также богатого охотарендатора. Что является проблемой некоторых регионов, где только богатые иностранцы арендуют охотугодия.

Негативные последствия монокультур

К началу 90-х в моих охотугодиях у нескольких крестьян в ёлочной монокультуре выявился ущерб от зверей, по оценкам комиссии, на 13 500 шиллингов (981 евро). На основании этого областная администрация предписала мне провести мероприятия по защите культур. Я должен был более чем для 5 000 елок, которые находились на экстремальном северном склоне, установить ин-

дивидуальное защитное ограждение, что для меня выливалось в 1,2 млн. шиллингов (87 209 евро).

Эта ситуация заставила меня задуматься: почему животные объедают деревья?

В этом мне помог случай. Я начал искать причину, для чего стал ходить в лес, и однажды, уснув там, увидел сон, как я бензопилой спиливаю все обкусанные стволы деревьев, а вниз падают тощие олени. Даже проснувшись, я видел перед собой эту картину, при этом хочу отметить, что многие идеи пришли ко мне во сне, и я реализовал их. Этот же сон я не мог сразу понять, но попробовал своим способом объяснить: я — дерево, я — животное, может быть, таким образом смогу найти причину. Сначала я подумал о дереве: это всего лишь длинная палка с несколькими зелёными ветками на макушке; склон крутой, сухой, такой, что даже трава там не растёт; свет сквозь листья почти не проходит на засеянную иголками почву. И я понял, что дерево здесь не может чувствовать себя хорошо: почва кислая, и жизнь в почве бедная. Ёлки, к тому же, имеют плоские поверхностные корни и для защиты леса мало что могут дать. Ёлочная монокультура очень чувствительна к снегу и ветрам, эти деревья содержатся и размножаются, как инкубаторские куры. Теперь, на стороне дерева, мне стало ясно — оно чувствует себя плохо.

Теперь я встал на место оленей: как они чувствуют себя в ельнике, где нет травы и листвы — зелени? Я окружён сухими ветками, а малое количество зелени находится высоко надо мной. Чувства мои расширились, как будто я нахожусь в ужасной тюрьме, где вокруг только решётка из стволов. Животные обладают удивительным чувством — природным инстинктом, они сами ищут себе пропитание в природе, не нуждаются в ветеринаре, сами прекрасно со всем справляются. Кто постоит в таком монокультурном ельнике, должен испытать страх — как же выжить? Животные, имея природный инстинкт, начинают действовать, неосознанно реорганизуя среду обитания. Они обгрызают кору, и деревья засыхают, гниют и в конечном итоге обламываются, образуя прогалины в лесу, так что природная вегетация вновь пробуждается, благодаря проникновению солнечных лучей. Получалось, по моему мнению, что животные объедают ель не из голода, а потому, что ельник не подходит к их среде обитания. Как человек разрушил среду обитания животных, так и животные стремятся восстановить разрушенное.

Следствием объедания деревьев является развитие благоприятной среды обитания для животных, где они снова выполняют своё важное предназначение в круговороте природы. Мой сон означал — люди, допуская создание ёлочных пустынь, действительно могут обречь животных на голодную смерть. Стало понятно, почему мне снились иссохшие животные. Я понял также, что короеды, долгоносики и пилильщики еловые по такой же причине наносят ущерб на площадях монокультурного леса, по аналогии действуют

Разнообразие пермакультуры чувствительно отличается от ёлочной монокультуры, растущей на противоположном склоне.

Старые сорта зерновых в смешанных культурах вызревают в Краметерхофе и на высоте 1460 м над уровнем моря.

снег и ветер! Я осознал, что природа пытается выправить наши ошибки, когда мы их допускаем.

Поэтому мы должны бороться не с короедом, долгоносиком или копытными животными, а с чиновниками лесного хозяйства и с учителями, которые внедрили нам монокультуру.

Относительно моего случая в охотугодиях я решил, что это делает старый благородный олень, но разрешения на его отстрел мне не дали, а разрешили отстрелить некоторых других животных. Но здравый смысл говорил мне, что так проблему не разрешить. После того, как виновника определили по следам, то отстрелили несколько штук того же вида животных, до тех пор, пока мой инспектирующий охотник не подстрелил оленя, который действительно наносил вред. С тех пор объедание деревьев прекратилось, и 1,2 млн. шиллингов остались просто не истраченными.

Насколько сильно могут расходиться мнения специалистов и экспертов, видно по заявлению от Округа Тамсвега от 9.09.1991 года — мне было предписано безоговорочно обеспечить индивидуальной защитой 5080 стволов елей или огородить всю территорию.

Тогда я пригласил независимого эксперта Кирха Бергера из Цель ам Зее установить причину ущерба. Он пришёл к такому же выводу, как и я, что это делает одно животное, а не несколько животных с молодняком. 2 марта 1992 года этому эксперту ответили, что его мнение не профессионально. Он попал в точку, когда ответил 1 июня 1992 года, что административные предписания на фоне напряжённой ситуации с крестьянскими хозяйствами просто безответственны.

Создавалось впечатление, что это в меньшей степени, — нехватка профессиональной квалификации, а больше — злое намерение продемонстрировать власть. Как можно на этом скалистом склоне предписывать защитные мероприятия на сумму 1,2 млн. шиллингов, когда себестоимость этого участка вместе с деревьями составляет лишь часть этих денег? Речь же идёт не о заповеднике или защищающем лесу, где, понятно, необходимы предписания к стро-гой защите!

Ещё одно пагубное последствие выращивания монокультурного ельника. Однажды я сообщил отцу, что ниже выпаса телят иссяк источник. На что он ответил:

— Этого не может быть, он был там всегда. Тогда нужно перевести телят в другое место, а после дождя вода опять появится.

Однако после сильного дождя вода в источнике так и не появилась, а расположенное рядом поле с картофелем было начисто смыто, так что с урожаем картошки в этом году было покончено.

Я задумался, и стал наблюдать за потоками воды. Скоро я определил, что вода вместо того, чтобы впитываться в землю в молодом двадцатилетнем ельнике, ручьями сходит вниз, смывая всё на своём пути. Если раньше вода впитывалась на зерновом поле, находившемся здесь когда-то, то сейчас она со свистом проходила сквозь монокультурный лес. Теперь стало понятно, куда девался родник.

Случаи с гостями-охотниками и браконьерами

Наряду с позитивными случаями с охотниками я пережил и много негативного.

Однажды я пережил чудо с горе-охотниками, у которых я был проводником, не умеющими обращаться с оружием. Больше двух раз выстрелили они в меня неумышленно. Один выстрел пробил насквозь мою шляпу, другой про-свистел мимо уха. То, почему я этих друзей, которые чуть не отправили меня на тот свет, сразу же отправил домой, думаю, поймёт каждый.

Для других собирателей трофеев я не только должен был быть проводником, но и стрелком. Мне всегда было очень неприятно вознаграждать «охотника» дичью, добытую мной, да ещё желать ему при этом «охотничьего здоровья».

Вспоминаю одного академика из Германии, с которым мы отправились охотиться на горного козла. Как только мы увидели его, он шепнул:

— Стреляйте за меня, г-н Хольцер, лес промолчит, я заплачу.

Сказано — сделано. Когда козёл лежал на земле, возле меня дважды прогремел выстрел.

— Зачем вы стреляете, ведь козёл уже лежит?

— Ах, знаете, г-н Хольцер, моя жена всегда заглядывает в ствол.

Когда мы вернулись, его жена действительно взяла ружьё и стала досконально проверять, задавая мне неприятные вопросы, действительно ли её муж застрелил козла?

Часто бывало, что я сразу же отправлял гостей-охотников домой. Однажды ко мне приехал кровельщик из Дюссельдорфа — на джипе, с двумя охотничьими терьерами. Как только первая собака выскочила из машины, она тут же загрызла ежа. Хозяин вознаградил её вкусеньким и похвалил. Я, заметив это, провёл инструктаж и попросил взять собак на поводок, чтобы больше ничего подобного не случилось. Мой гость сильно разочаровался моим поведением.

— Знаете ли вы что-то о дрессировке собак?! Да вы даже не имеете представления, ведь поймать и задавить ежа — это результат, который показывают особенно хорошие собаки.

Я был хорошо знаком с охотничьими собаками, потому что сам имел баварскую горную легавую, поэтому результат терьера меня мало впечатлил. Ежи — мои любимые животные, к тому же, они приносят существенную пользу, регулируя популяцию улиток и слизней.

И всё же этот хороший человек не внял мне — второй терьер за домом задушил кошку. Это было для меня уже чересчур. У нас много таких животных, как сурки, ежи, кошки, фазаны, утки, нутрии, которые живут свободно. Была опасность, что собаки нанесут ещё больший урон.

Я потребовал от гостя сейчас же вернуться в машину и отправиться домой. После короткой и бурной дискуссии он уехал к ближайшей гостинице, переночевал там, а утром вернулся, предложил заплатить за тупых зверей и отправиться охотиться на оленя.

Но я оставался твёрд в своём решении, тогда он пригрозил, что заставит меня оплатить дорогу в оба конца, 1800 км. С тех пор он больше не появлялся.

Другой случай, который возмутил меня, произошёл из-за муравьёв. Однажды мы отправились охотиться на козла в горы. Мы сидели на стволе лиственницы, около тропы, через которую проходила муравьиная дорожка. (Хочу заметить, лесных муравьёв, которые строят муравейники, я развожу уже более 30 лет, они очень хитроумно выстраивают сеть дорог).

Гость растоптал всех муравьёв на этой дорожке. Я обратил его внимание, что выращиваю мурашей многие годы, и что они крайне необходимы. В ответ он только ухмылялся и продолжал дальше.

Я повторил предупреждение не делать этого, но он не воспринял меня всерьёз. Тогда я решил поменять место. Было уже темно. Гость возмутился и спросил:

— Почему мы должны оставить это место?

Я ещё раз рассказал ему о муравьях.

— Вы что, здесь все ненормальные? — спросил он. — Что вы хотите с этими тварями?

Мы разругались, и охотник уехал в тот же день с пустыми руками.

О случаях с охотниками можно было бы написать отдельную книгу. Стоит упомянуть ещё о непогашенных чеках — не принёсших дохода. Многие годы бывало, что люди рассчитывались со мной чеками, в которых, по прошествии ряда лет, собралась приличная сумма. Снова и снова появлялись такие люди, которые, кроме не покрытых чеков и «не лезшие за словом в карман», ничего больше не имели.

Как и у рыбаков, похожая проблема, о которой я буду рассказывать в следующей главе, была и у охотников. К сожалению, «в семье не без урода»; мно-

гие браконьеры были пойманы мной и позже осуждены, моё пространство, очевидно, магически притягивало любителей пострелять и парней, жадных до трофеев. Аппогеем этого стало воровство животных препаратов и охотничьих трофеев из дома. При этом преступники в большинстве случаев были пойманы и осуждены по закону. Я также находил зверей, обстрелянных или убитых из мелкашки, в вольерах. Было мучительно больно, когда был пойман на моей территории мужчина из Мура в Лунгау, он с прожектором и мелкашкой с глушителем браконьерничал на оленя. Один немецкий отпускник, из Нойсса, также с прожектором браконьерничал, за что впоследствии был осуждён немецким судом.

В 1984 году я импортировал из Санкт Галлен в Швейцарии 10 горных козлов. Животные (под присмотром ветеринара) должны были пройти тридцатидневный карантин в специально построенном для этой цели загоне. В последний день ветеринар из министерства должен был проверить состояние животных. Утром предпоследнего дня при кормёжке перед моим взором предстала картина ужасов — трупы убитых и обезглавленных животных лежали, разбросанные, в вольере. Только один альпийский козёл спасся, но был тяжело ранен. Мы накачали его обезболивающими, а врач из министерства тут же оказал ему первую помощь. Через несколько месяцев животное поправилось. Была подключена полиция, предлагалось даже высокое вознаграждение за поимку преступника, но это происшествие так и осталось нераскрытым. Финансовый убыток составил более 300 000 шиллингов (21 802 евро). После этого ЧП я стал узнавать о страховке на такой случай, но взносы были такими высокими, что я решил прекратить содержание диких животных в загонах. Разведение же бизонов, яков и т. п. я прекратил к началу 90-х, когда открылись восточные границы, из-за резкого падения цен на них.